

УДК 811.512.211
DOI 10.17223/18137083/61/24

С. И. Шарина

*Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, Якутск*

Причастие в нижнеколымском говоре эвенского языка

Рассматривается состав причастных форм в не имеющем системного описания нижнеколымском говоре эвенского языка. Выясняется, что состав причастных форм в нижнеколымском говоре имеет весьма отчетливые отличия от ольского говора и других говоров восточного наречия эвенского языка, обладает схожими чертами с западными диалектами эвенского языка, однако причастия в говоре обнаруживают определенные особенности употребления. При анализе функционирования причастных форм в нижнеколымском говоре выявляется смещение семантики причастия будущего времени и отсутствие трех причастных форм. Фиксируется употребление ранее не отмеченных в грамматических описаниях формы причастия возможного действия с оттенком долженствования и трех конструкций с причастием будущего времени. Материалом для написания данной статьи послужили материалы автора, собранные во время полевых экспедиций в Нижнеколымском районе Республики Саха (Якутия) в 2013–2015 гг.

Ключевые слова: эвенский язык, нижнеколымский говор, причастные формы, причастия настоящего, прошедшего, будущего времени, перфектное причастие, причастие возможного действия с оттенком долженствования.

Статус причастных форм эвенского языка пока специально не освещен в научной литературе, вопрос об употребительности определенных причастий в диалектах и говорах эвенского языка не вполне ясен. В данной связи представляется актуальным рассмотрение их функционирования в существующих диалектах и говорах. Нижнеколымский говор относится к говорам, не имеющим системного описания, в существующих классификациях говоров и диалектов эвенского языка как отдельная единица был выделен сравнительно недавно [Бурыкин, 2004, с. 79]. Для большинства эвенов Якутии исторически характерно эвенско-якутское двуязычие, а с XX в. – эвенско-якутско-русское трехязычие. Среди представителей же нижнеколымской группы эвенов характерно многоязычие, выраженное в распространении эвенского, юкагирского, чукотского, якутского языков и диалекта

Шарина Сардана Ивановна – кандидат филологических наук, заведующая сектором эвенской филологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (ул. Петровского, 1, Якутск, 677007, Россия; sarshar@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2017. № 4
© С. И. Шарина, 2017

русских старожилов-колымчан, что повлияло не только на лексический состав говора, но и на фонетический и морфологический строй.

Состав причастных форм эвенского языка по имеющимся описаниям следующий: причастие настоящего времени с суффиксом *-ри / -ди / -ды / -ти / -ты / -си / -ни*; причастие прошедшего совершенного времени, или перфектное причастие, с суффиксом *-ча / -чэ*; причастие будущего времени с суффиксом *-дуа- / -дүэ- // -дица- / -дицэ-*; причастие прошедшего времени с суффиксом *-дау / -дэу* (не имеющее атрибутивного употребления); причастие недавнопрошедшего времени с суффиксом *-мат / -мэт*; причастие давнопрошедшего времени с суффиксом *-тла / -тлэ*; долженствовательное причастие с суффиксом *-нна / -ннэ* [Цинциус, 1947; Новикова, 1980; Роббек, 2007]. Из приведенного состава причастных форм в нижнеколымском говоре встречаются не все формы, употребление некоторых причастий в описываемом говоре имеет свои особенности; обнаруживается форма, не отмеченная в существующих описаниях.

Причастие настоящего времени в предикативном употреблении – в тех случаях, когда оно употребляется в функции сказуемого и имеет самостоятельное временное значение, – обозначает действие, происходящее в момент речи; при употреблении в функции вторичного предиката оно выражает действие, одновременное с действием, выраженным глагольным сказуемым (финитной формой глагола). Причастие настоящего времени образуется посредством суффикса *-ри / -ди / -ды / -ти / -ты / -си / -ни*: *хуклэри* ‘спящий’, *дукадды* ‘пишущий’, *гэни* ‘говорящий’.

Примеры употребления форм причастия настоящего времени в функции определения и в функции сказуемого в нижнеколымском говоре: (1) *Орал дэссидэунэтэн тэгэттэвур гүми, бөдэлэлбур тала н`амулакаунарап* ‘Олени где лежали, садились и грели там свои ноги’; (2) *Д`э анан н`улгэвэттит тундарала, эрэйу-дэ иккэрэнни, ибгов-да иккэрэнни, он иһи морали н`улгэвэтти бэй* ‘Кочевали по тундре, и с трудностями сталкивались, и хорошее было, конечно, у кочующего по морю человека’; (3) *Тадук көйэттэм Андрюшкадук турэрил кунал көтлэрэптукун` турэрил эгд`эһукэн орид`ур этэн турэлгэрэл* ‘Потом смотрю, из Андрюшкино говорящие сызмальства дети, когда взрослеют, перестают говорить’; (4) *Муту ин`ичэдди урэчин бивэрэр* ‘Над нами как будто смеются, бывает’; (5) *Поварат ирид`и һовнаддыву, тадук н`и, дякканмяр д`өр анүанила гунэ: «Ат дипломна бэйил этэл һовнар»* ‘Поваром поступив, когда работала, в 1982 году говорят: «Без диплома людям работать не положено»’; (6) *Көтлэм-да яв-да эһеп нодаврар, тачин өтэрэп таткатти* ‘Ничего, даже маленькое не выбрасываем, таково старинное учение’; (7) *Оран йэсчимэчэклэн бивэттий айы, нар местэлбу гаврарив элэ* ‘Бывая на соревнованиях по оленьим гонкам, всегда занимала места’; (8) *«Эмэдди ирили аич албудагур, оралбут, д`албут төрутти, окат – упэ», – гуникэн н`өдаврарам* ‘Наступающее лето пусть хорошим будет, олений, родню нашу берегай, река – бабушка», – говоря, бросаю’; (9) *Тар аканти икэн окат һөрэддивэн элэкэһ бөһкэ туһунан* ‘То старшего брата песня про то, как ледоход идет на реке’; (10) *Тик гунэм д`аллуми-да укчэнми муттут ибго, чәһки укчэндил, һарил һурэлтит ачча* ‘Сейчас, с родней разговаривая, говорю, у нас детей хорошо разговаривающих, знающих нет’.

Как видно из примеров, в нижнеколымском говоре в атрибутивном употреблении причастие настоящего времени обнаруживает грамматические категории числа, падежа и принадлежности (1), (6), (8). При предикативном употреблении это причастие имеет только формы числа (2), (7), (9), (10). При употреблении в функции вторичного предиката это причастие имеет только две именные грамматические категории – падежа и принадлежности (4), (5). Причастие настоящего времени в говоре может принимать формы залога и вида.

Причастие прошедшего времени (перфектное причастие) обозначает завершенное действие и образуется при помощи суффикса *-ча / -чэ*: *ичэ* 'вошедший', *эмчэ* 'пришедший', *елтэнчэ* 'миновавший'.

Примеры употребления форм перфектного причастия: *Д'э анан хунуи инэуиду балдача биһэм, долбу букатын. Гунңи инэуи бичэ, мут боллар ярангала биһэн, илкэн унэндулэн. Тала тэгэчэдникэн тар эн'му балдукачча. Туллэ як-та эһни ичучэ биһэ* 'Родилась глубокой ночью, когда мела метель. Был вьюжный день, а мы живем в яранге, в жилище илкэн. Там меня и родила мать. На улице ничего не было видно'; *Тарак мину инэуив ичэлэв мину көлэкэву чикича* 'Когда я появилась на свет, она отрезала мне пуповину'; *Тадук ялдивун ярангадук ялдивун унүн һавоһонча, һанин унүн һавоһонча. Эчин гиркачалан гору-гору гиркачалан. Дьэ һанин унүиткин үнчэ. Дьэ тарит эчин һэпкуникэн д'э унэндулэи ичэ-ичэ. Тала би бичэ биһэм укал* 'Затем он почувствовал запах дыма, который шел от яранги. Так долго-долго шел. Пошел в сторону дыма. Вот так, приносиваясь, и дошел до дома. В это время я уже появилась'; *Анан яврача һавдиткарача эн'э. Гавди биникэн һутэлкэн одни гунд'ир гуми. Амарла мину гундэн: «Адит-та һину балдукачча биһэм гиркэгэйи»* 'Мама стеснялась того, что родила меня на старости лет. Позже мне сказала: «Правильно сделала, что тебя родила, себе подружку»; *Эчин хунуэ долан эчин имандав эчин чоңкоһгарача, эчин көйткэрэчэ, тарак турлэ бичэ биһэн гуунчэ* 'В пургу выгребал снег, всматривался и сразу говорил, в каком месте находимся'; *Таргидатки һойа овкандаттан мэн оролбур эдукур чаһки илбэчэл* 'Чтобы приумножить численность оленей, отсюда своих оленей туда погна-ли'; *Осколала һургэрэрит, тар городла самолет дэвэчэллин* 'Ходили в школу, тогда в город самолеты летали'; *Эгд'эн чакунак очалан гөн: «Совкоһу эчин овканд'идда общиналдула уудэвур гөми, коңдолдовур гөми»* 'Когда состоялось большое собрание, сказали: «Совхоза не будет, будут организовывать общины»; *Һи-дэ эһни таткатта, эр минн'ун укчэнчэл бэйэл һи-дэ ачча, эр элэкһэл һатта, элэкһэл укчэндэ* 'Никто не исследовал, людей, разговаривающих со мной, уже нет, вот впервые пригласили, впервые заинтересовались'; *Д'өр биникэһэл балдачал биһит. Тар таррочин иңэн'һи ялдуноула н'улгэд'энчэл д'албу* 'Вдвоем появились на свет. Во время таких холодов родители кочевали'.

В нижнеколымском говоре перфектное причастие на *-ча / -чэ* обнаруживает грамматические категории числа, падежа и принадлежности. В речи информантов весьма активно используются перфектные причастия, оформленные различными показателями залога: средневозвратного (*хаһанапча* 'сшитый', *бэрипчэ* 'потерянный'), побудительного (*эрэлукэнчэ* 'огибал', *куняһамканча* 'поймала'), реципрока (*дилмаччал* 'боролись'); вида (*бивэткэрэчэл* 'бывали') [Шарина, 2016].

Причастие будущего времени, обозначающее действие, которое произойдет или может произойти после момента речи, в эвенском языке образуется посредством суффикса *-дһа- / -дһэ / -дһа / -дһэ*, например: *явчидһа* 'тот, кто будет пасти ночью', *эмдиһэ* 'тот, кто придет', *гөндиһэ* 'тот, кто скажет'.

В нижнеколымском говоре употребление причастия будущего времени имеет определенные особенности. Набор грамматических категорий у причастия будущего времени в говоре исчерпывается только притяжательными формами, формы множественного числа и формы косвенных падежей данного причастия практически не употребляются. Особенностью причастия будущего времени в говоре является и то, что оно употребляется и в значении долженствовательного наклонения, выражающего обязательное осуществление действия в будущем [Шарина, 2015, с. 212].

Примеры употребления причастия будущего времени: *Эчин эр эрэгэл эчин укчэнникэн таткачад' овми багар як-то овомча, д'улэһки яккул-ла бөһкэ һовноһнан, бэй гөнд'иңэн-дэ гөмчэ* 'Если сейчас начнется исследование языка, может, что-то получилось бы, в будущем, как будто лед трогается, человек будет говорить, заговорил бы'; *Эн'э боллар гундэрин: «Э, эрэ дали одни эдэрд'иңэву,*

акантикий яван бакчим», – гунэн ‘Мать (моя) говорила: «Э, скоро я умру, брата своего найду», – говорила’; *Фольклорные песни конкурса од’иңаву, «Мастерицы Севера» овраам* ‘Конкурс фольклорных песен должна организовать, «Мастерицы Севера» провожу постоянно’; *Нандалбу эчин нодарид’ур эчин муңуавгарар кууал. Ни нандав буд’ин, тарак хурд’иңэн* ‘Дети вот так держат шкуры и подбрасывают. Кто шкуру упустит, тот должен уйти’; *Мут болла тачин нэкринд’ур булкуллаһын орин, һэйэктики икэд’иңэт биһин, тарав болла һэд’элэгэлдэ гөнит* ‘А мы, совершая такой (обряд), запутались, должны были чукотскую песню спеть, но решили станцевать хэде’; *Хурд’иңэт дали одни* ‘Скоро мы должны поехать’; *Тала тар «Хозяйка чума» од’иңаву* ‘Там «Хозяйку чума» проведу’; *Кууал умэтэлд’ин командалдук танд’иңаттан тадук тулматчиңаттан* ‘Дети по одному от команды должны прочитать и перевести’; *Би үнүкэрбу гун’д’им, һу һинмач илкэдиц гунд’иңэһэн, һари команда һали ул’диңан, тадук гунд’иңэн илкадиц* ‘Я буду говорить загадки, вы быстро должны сказать по-эвенски, знающая команда должна подать знак рукой, потом должна сказать по-эвенски’.

В нижнеколымском говоре обязательное осуществление действия в будущем выражают и конструкции с причастием будущего времени типа: *хурд’иңэ тустак* в значении ‘обязан пойти’, *һад’иңалкан биһэм* в значении ‘я должен знать’, *итчиңэһ кэһни* в значении ‘ты должен увидеть’. Данные конструкции или подобные им сочетания ранее в грамматических описаниях говоров и диалектов эвенского языка не отмечались, хотя известно их функционирование в некоторых западных говорах. Рассмотрим их подробнее.

В первом случае при образовании конструкции *хурд’иңэ тустак* в значении ‘обязан пойти’ используется якутское заимствование. В якутском языке формообразующая частица *тустаах* образует долженствовательное наклонение от причастия на *-ыха*: *барыха тустаах* ‘должен уехать, уйти (он)’, *этиэх тустаахпын* ‘должен сказать (я)’, *сайыннарыах тустаахпын* ‘должен развивать (ты)’. В приводимых ниже примерах якутизм *тустак* используется для передачи значения обязательного осуществления действия, однако, в отличие от якутского языка, в эвенском языке данная частица не принимает притяжательного оформления: *Миан д’эр час одакан бэкэчэн һагара гуннэр, букатын умэн-дэ умэн турэм эд’иңэ тустак турэр намдула* ‘Как наступает двенадцать часов, всем нельзя шуметь, даже ни одного слова не должны говорить у моря’; *Если даже эчин букатын туконикан түрэд’ин, биһэд’ин эчин, потому что аканти, эмд’э биһэд’иңэ тустак* ‘Если даже возмущается, будет молча сидеть, потому что это наш старший брат, младший не должен пререкаться’; *Тадук стадакки хурд’иңэ тустак* ‘Оттуда я обязана поехать в стадо’.

Вторая конструкция характеризуется тем, что включает в себя причастие будущего времени на *-д’иңа*, оформленное суффиксом принадлежности *-лкан*, которое обозначает обязательное выполнение действия в будущем. Здесь явно усматривается схема формирования якутского причастия, имеющего значение долженствования, который образуется посредством аффикса обладания на *-лаах*: *этиэх + тээх* ‘должен сказать (он, она)’, *биэриэх + тээх* ‘должен отдать (он, она)’ (ср.: *аттаах* ‘имеющий коня (он, она)’, *сонноох* ‘имеющий пальто (он, она)’). В нижнеколымском говоре допустимо употребление такой формы и в единичном виде, и в составе конструкции. Например: *Ноһан эрэв иңиңив д’эбиддиңэлкэн* ‘Он сегодня должен поесть’; *Тимина эһэму ями-да унтав һаңанд’иңалкан* ‘Завтра мать обязательно должна сшить унты’.

Конструкция же типа *һад’иңалкан биһэм* в значении ‘я должен знать’ образована по следующей формуле: причастие будущего времени на *-диңа* + суффикс принадлежности *-лкан*, образующий прилагательные со значением обладания, + вспомогательный глагол *бидэй* ‘быть’, оформленный показателями лица и числа. Мы склонны полагать, что данная конструкция является калькой из якутского

языка. Рассмотрим образование якутской долженствовательной причастной конструкции *билиэхтээх буоллабым* 'должен знать (я)', *барыахтаах буоллаба* 'должен уйти, уехать (он, она)', *аабыахтаах буоллабын* 'должен читать (ты)': причастие на *-ыах* + аффикс обладания *-лаах* + модальное слово *буоллаба*, образованное от глагола *буол* 'быть, стать', + аффиксы сказуемости [Филиппов, 2014]. По нашим данным, конструкция такого типа в других западных говорах и диалектах, подверженных влиянию якутского языка, не употребляется.

Третья конструкция, обозначающая обязательное осуществление действия в будущем, образуется в говоре посредством причастия на *-диңа* и вспомогательного глагольного слова *кэ-*: *Ноһан этчиңэ кэһни* 'Он же должен победить'; *Итчиңэһ кэһни тарак кинэв* 'Ты должен посмотреть то кино'.

Допустимо также использование обоих вспомогательных глаголов: *Би куһав итчиңэлкэн биһэм кэһни* 'Я должна увидеть ребенка'.

Причастия прошедшего времени с суффиксом *-дау / -дэу* в эвенском языке были выявлены довольно поздно, при описании ольского говора восточного наречия их присутствие в данном говоре было отмечено К. А. Новиковой [Новикова, 1980, с. 108]. Специфическое отличие причастных форм на *-дау / -дэу* от других в том, что они не употребляются без лично-притяжательных суффиксов и не имеют форм числа, например: *садау* 'то, что я (недавно) взял', *бактаһас* 'то, что ты (недавно) нашёл', *нимканданан* 'та сказка, которую он (недавно) рассказал'.

Примеры употребления форм причастия на *-дау / -дэу* в нижнеколымском говоре: *Тадук гундэн: «Адукун-да дэңуэ һиролми өтэрэп һину гаддиңи д'оударам куна биддуңуһ, тарич эһэм һиролгарар»* 'Потом он говорил: «Когда хотел рассердиться на тебя, то сразу вспоминал, как тебя брал в жены, совсем еще ребенка, и тут же злость моя проходила»; *Тик һуту болла гуннэн тавор городла татаддан, һовнаддан гунд'иддэн: «Эн'э, һи мину таткачаддаһас ибго бичэ»* 'Сейчас мой ребенок говорит, который в городе учится, работает: «Мама, хорошо, что ты меня научила»; *Эрэк тикэрэп кунгал мэн д'албур он тэгэттэңэтэн, яв турэри-вуттэн эрэк, яча тэгэттэңэтэн, яв н'эккэрэн тэгэттэн этэн һар* 'Вот нынешние дети не знают, как жили их предки, что говорили, чем занимались, как жили'; *Аманти боллар, би амму тар иргэттэңэн ноһан нөһтэ биникэн эрэсчин, эмискэ эдэррин* 'Отец наш, мой папа, который воспитал, он в молодом возрасте ушел из жизни, внезапно умер'; *Ок-та эһеп-тэ һэрэвгэрэр укчэндэңитэн* 'Никогда не записывали то, что рассказывали'.

Как показывают примеры, синтаксические функции причастия на *-дау / -дэу* в нижнеколымском говоре, как и в восточных говорах, могут быть определены как функции вторичного предиката (аналог придаточных определительных конструкций). В атрибутивной и предикативной функциях данные формы, по нашим наблюдениям, не употребляются.

В нижнеколымском говоре отмечается функционирование причастной формы, которая отсутствует в существующих описаниях эвенского языка, хотя в эвенских текстах ее можно встретить. Это причастие с суффиксом на *-ука / -укэ*, которое предварительно по значению глагольных форм может быть охарактеризовано как **причастие возможного действия со значением долженствования**.

Примеры употребления причастия возможного действия с модальным оттенком долженствования в нижнеколымском говоре: *Н'учидич эрэгэр турэүкэ биһеп* 'По-русски всегда должны были говорить'; *Н'ууэн часла һурэүкэ биһэм. Унтав һауаниди, мултуүкэ биһэ.* 'В шесть часов должна была пойти. Унты сшила, отправить должна была'; *Тимина акму стадала һурэүкэ биһин* 'Завтра брат должен был поехать в стадо'; *Эрэв иницив д'өр часла самолет эмэүкэ* 'Сегодня в два часа должен был прилететь самолет'; *Асаткан анһамта курамли ичүкэңкэ биһин* 'Девушка должна была показать свою новую шапку'; *Дюв оңка биһив* 'Должен был построить дом (я)'.

Приведенные примеры употребления этого причастия в нижнеколымском говоре показывают, что данная форма не изменяется по числу, падежам и формам принадлежности. Почти во всех случаях данное причастие употребляется в сочетании со вспомогательным глаголом *бидэй* 'быть'.

В описываемом говоре не употребляются причастия недавнего прошедшего времени с суффиксом *-мат / -мэт*, причастия давнопрошедшего времени с суффиксом *-тла / -тлэ*, долженствовательные причастия с суффиксом *-нна / -ннэ*.

Итак, приведенное дает основание выявить следующие особенности в образовании и употреблении причастий в нижнеколымском говоре:

1. На основании морфологических критериев в нижнеколымском говоре выделяются следующие причастные формы: причастие настоящего времени с суффиксом *-ри / -ди / -ды / -ти / -ты / -си / -ни*, перфектное причастие на *-ча / -чэ*, причастие прошедшего времени на *-дау / -дэу*, причастие будущего времени на *-диуа / -диуэ* и ранее не отмеченное в грамматических описаниях причастие возможного действия со значением долженствования с суффиксом *-ука / -укэ*.

2. Отмечается отсутствие причастия недавнего прошедшего времени с суффиксом *-мат / -мэт*, причастия давнопрошедшего времени с суффиксом *-тла / -тлэ*, долженствовательного причастия с суффиксом *-нна / -ннэ*.

3. В нижнеколымском говоре причастие будущего времени на *-диуа / -диуэ* трансформировано на долженствовательное причастие со значением обязательного осуществления действия в будущем.

4. В говоре употребительны не отмеченные ранее в грамматических описаниях три конструкции с причастием на *-диуа / -диуэ*.

5. В разговорной речи нижнеколымских эвенов отмечается наибольшая частотность употребления перфектного причастия на *-ча / -чэ* и наименьшая – форм на *-ука / -укэ*.

Список литературы

Бурыкин А. А. Язык малочисленного народа в его письменной форме. СПб., 2004. 373 с.

Новикова К. А. Очерки диалектов эвенского языка. Л.: Наука, 1980. 243 с.

Роббек В. А. Грамматические категории эвенского глагола в функционально-семантическом аспекте. Новосибирск: Наука, 2007. 725 с.

Филиппов Г. Г. Причастия якутского языка: комплексное типологическое функционально-семантическое исследование. Якутск: СВФУ, 2014. 606 с.

Цинциус В. И. Очерки грамматики эвенского (ламутского) языка. Л., 1947. 270 с.

Шарина С. И. Формы наклонения глагола в нижнеколымском говоре эвенского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 12, ч. 2. С. 209–214.

Шарина С. И. Залог в нижнеколымском говоре эвенского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4, ч. 1. С. 164–166.

S. I. Sharina

*Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russian Federation, sarshar@mail.ru*

The participle in Nizhnekolymskiy dialect of Even language

The paper deals with the composition of participle forms in the Nizhnekolymskiy dialect of Even language which does not have a systematic description. It turns out that the composition

of participle forms has very distinct differences by Ola dialect and other of the eastern dialects Even language and similarities with Western dialects of the Even language. However, certain features are found in the described dialect participles. There are the following participial forms based on the morphological criteria in Nizhnekolymskiy dialect: present participle, present perfect participle, past participle, future participle and participle of the possible action not previously noted in the grammatical descriptions with a touch of debitive meaning. The present participle and perfect participle reveal the grammatical categories of number, case, affiliation, can take specific forms. A set of grammatical categories in the participle of the future tense is presented only by possessive forms. The past participles are not used without personal-possessive suffixes and do not have number forms. The participle of a possible action with a touch of debitive meaning does not change in number, case and form of belonging; it is used in combination with the auxiliary verb. It is noted that there is no participle in the recently passed time, the participle of the long-past time, the participle of the must. The bias of semantics of the participle of future time on participle of the must with the meaning of the obligatory implementation of the action in the future is fixed. There are three constructions with this participle that were not used previously in grammatical descriptions of this dialect. The highest frequency of using of the perfect participle is noted for the *-ча / -чэ* forms and the smallest – for *-yka / -ykэ* forms in the colloquial speech of the Nizhnekolymskiy Evens. This paper was written on the basis of material collected during field expeditions in the Lower Kolyma region of the Republic of Sakha (Yakutia) in 2013–2015.

Keywords: The Even language, the Nizhnekolymskiy dialect, participle forms, participle of present, past and future time, the perfect participle, of participle in possible action with a touch of debitive meaning.

DOI 10.17223/18137083/61/24

References

Burykin A. A. *Yazyk malochislennogo naroda v ego pis'mennoy forme* [The language of a small nation in its written form]. St. Petersburg, 2004, 373 p.

Filippov G. G. *Prichastiya yakutskogo yazyka: kompleksnoe tipologicheskoe funktsional'no-semanticheskoe issledovanie* [Participle of the Yakut language: a complex typological functional semantic study]. Yakutsk, SVFU, 2014, 606 p.

Novikova K. A. *Ocherki dialektov evenskogo yazyka* [Essays on the dialects of the Even language]. Leningrad, Nauka, 1980, 243 p.

Robbek V. A. *Grammaticheskie kategorii evenskogo glagola v funktsional'no-semanticheskom aspekte* [Grammatical categories of the Even verb in the functional-semantic aspect]. Novosibirsk, Nauka, 2007, 725 p.

Sharina S. I. Formy nakloneniya glagola v nizhnekolymskom govore evenskogo yazyka [The forms of mood of the verb in the Lower Kolyma dialect of the Even language]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2015, no. 12, pt 2, pp. 209–214.

Sharina S. I. Zalog v nizhnekolymskom govore evenskogo yazyka [The voice in the Lower Kolyma dialect of the Even language]. *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 2016, no. 4, pt 1, pp. 164–166.

Tsintsius V. I. *Ocherki grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka* [Essays on the grammar of the Even language (Lamut)]. Leningrad, 1947, 270 p.